

Я попятился, спотыкаясь, и задел локтем бокал на столе.

Дзынь!

Раздался звон, и бокал разлетелся вдребезги. Вино хлынуло на пол, заливая всё вокруг алым. Совершенно растерявшись, я опустился на колени и принялся собирать осколки голыми руками. Красная жидкость густо испачкала пальцы.

— Я... я просто слишком много выпил...

Я твердил одно и то же. Слишком много выпил. Я. Руки так дрожали, что один осколок выскользнул из пальцев. Тонкий звон стекла эхом отозвался в тихой кухне.

— Асель-сси. Уберите руки. Порежетесь.

Со Джинхёк не выдержал. Он перехватил моё запястье и вытряхнул стекло из моей ладони на пол. Я тупо смотрел на кучу осколков, слушая их сухой стук, а потом поднял глаза на мужчину.

На его лице не было и тени привычной мягкой улыбки. Полное бесстрашие. Стоило нашим взглядам встретиться, как я снова попытался отползти назад.

Он остановил меня жестким голосом:

— Не двигайтесь.

Со Джинхёк был в домашних тапочках. Он легко подхватил меня на руки, вынес из месива битого стекла и поставил у раковины. Затем указал на мои ноги:

— Не поранились?

— А... нет. Всё в порядке.

— Вымойте руки и проверьте, нет ли порезов.

Его тон был ледяным и лишенным всякого тепла. Я включил воду и начал механически отмывать вино, высматривая раны.

К счастью, обошлось. Многолетний опыт подработок научил меня никогда не трогать битое стекло голыми руками, но сейчас тело сработало само. Я совсем потерял голову.

Со Джинхёк убирал последствия моей неуклюжести, а я стоял, по-идиотски привалившись к раковине.

Еда, которую мы только что ели, быстро остывала, покрываясь белесой пленкой жира. Мороженое превратилось в липкую жижу, похожую на размытую дождем грунтовку.

Надо было извиниться, сказать, что я сам всё уберу, но язык прирос к гортани. Я лишь продолжал бормотать, что перебрал с алкоголем.

В тяжелой тишине я наблюдал, как он сметает осколки в ведро. В конце концов я выбрал самый простой путь — бегство.

— Я... я, пожалуй, пойду.

Я больше не мог выносить его взгляда. Ссутулившись, я пробормотал извинение:

— Простите меня.

Сгреб вещи в охапку и уже хотел выскочить за дверь, когда он перестал убираться и придержал меня.

— Асель-сси.

Я замер, не в силах даже дыхнуть. Со Джинхёк достал бумажник и протянул мне несколько купюр.

— На такси.

Я тяжело задышал, глядя на деньги. В памяти вспыхнула наша вторая встреча в «Нанте».

Тогда он с неловким видом протягивал чек, чтобы замять скандал, устроенный его знакомым. Сейчас он снова достал деньги, исправляя то, что натворил я.

Наверное, для него это была простая вежливость, но мне стало невыносимо тошно. Я часто хотел вымолить у него хоть каплю жалости, но не такой ценой.

— Простите.

Бросив это короткое слово, я сбежал. Оставил за спиной разгромленную кухню и испорченный праздник. У меня не хватило смелости остаться.

На автобусной остановке осенний ветер забрался под рукава и пополз по коже ледяной змеей. Я кое-как запахнул одежду и долго сидел на скамье, глядя в пустоту. Даже забыл, что последний автобус уже ушел.

Кое-как поймал такси и закрыл глаза, пытаюсь унять дрожь. Пустота в голове медленно заполнялась осознанием. В машине работал обогреватель, было тепло, но меня всё равно трясло от холода.

Неужели я ошибся?

Феромоны альфы и омеги понимают интуитивно. Особенно когда дело касается секса.

Я ведь отчетливо их почувствовал. В тот миг, когда его слабый, едва уловимый запах коснулся моих пальцев, я понял всё. Это было низменное, жадное желание, направленное на омегу.

Со Джинхёк почти не пользовался феромонами для общения, да и запах был слишком тонким. Мог ли я ошибиться?

Может, я правда так сильно опьянел? Его холодная реакция полностью противоречила тому, что я ощутил. Я начал думать, что всё это — лишь плод моего воображения. Снова потрогал кончики пальцев, но осенний ветер давно выветрил из них все следы.

Глубокая ночь. Казалось, я очнулся от кошмара. Хотя кошмар был бы лучше.

Я поддался атмосфере, неверно истолковал запах и решил, что Со Джинхёк меня хочет. Стыд парализовал тело. Я прислонился головой к стеклу и закрыл глаза.

По дороге в стекло застучали капли, а когда я добрался до дома, начался настоящий ливень. Будто пришел осенний тайфун. Такси высадило меня прямо у дверей, но я всё равно промок до нитки. Для осени ветер был слишком яростным.

В кухне у холодильника стоял Мун Сынвон — видимо, вышел попить. Увидев меня, он нахмурился.

— Ты чего? Под дождь попал?

— Да, на улице внезапно ливануло...

Я глупо заулыбался, оправдываясь. Сынвон посмотрел на меня как на идиота.

— В прогнозе же говорили, что с ночи дождь будет.

— Я не знал.

Я так ждал этого дня, что даже не подумал посмотреть погоду. Если честно, я вообще ни о чем не думал, кроме дня рождения Со Джинхёка.

Сынвон странно на меня покосился — я всё продолжал беспричинно улыбаться. Он велел мне мыть ноги и ложиться спать, после чего ушел к себе.

Утром меня начал бить озноб. Ломота во всем теле. Я послушался Сынвона и принял душ перед сном, но из-за резкого похолодания, видимо, всё же подхватил простуду.

Приложил руку ко лбу. Градусника не было, но кожа буквально горела. Обычно в такой ситуации я бы позвонил Ли Джэсоку и отпросился, но сегодня я через силу поплелся к нему.

Я не хотел падать в глазах Со Джинхёка еще ниже. Если после вчерашнего я не выйду на работу, он решит, что я затаил обиду или просто безответственно сбежал. Я и так испортил ему праздник, новые недопонимания мне ни к чему. К тому же, это место нашел для меня он.

Глотая обезболивающее, я пытался сбить жар. Кое-как закончил уборку и готовку. К концу смены сознание плыло, словно я снова был пьян.

Ли Джэсок обычно лоялен к работникам, он бы точно отправил меня домой. Но он уехал на выходные и еще не вернулся. Кажется, на этот раз у него с какой-то девушкой всё серьезно.

Сил идти домой не было. Я растекся по стулу и вытащил телефон, чтобы перечитать сообщение от Джинхёка.

Утром, в полубреду, я отправил ему СМС. Написал, что вчера повел себя грубо и мне очень жаль. Не уточнял, в чем именно была грубость.

Со Джинхёк долго не отвечал. Короткий ответ пришел лишь час назад.

[Понятно]

Всего одно слово.

Но его хватило, чтобы я осознал: прежних отношений больше не будет.

Он больше не станет улыбаться мне так тепло. Я потер экран большим пальцем, будто хотел

стереть эти буквы, и с трудом поднялся.

После того дня я жил в состоянии перманентной паники. Раскаяние не давало спать. Каждую ночь меня душила мысль, что Со Джинхёк больше не захочет меня видеть.

Мои страхи быстро стали реальностью. Я пробовал писать ему, как раньше, но получал лишь сухие, короткие отписки. Он больше не спрашивал, как мои дела, что я ел и как продвигается учеба.

Сначала я убеждал себя, что ему тоже неловко. Но тревога пожирала меня заживо. Я перечитывал старую переписку, цепляясь за следы прошлого счастья. Оно казалось недостижимым.

Как вернуть его расположение? Я даже не мечтал о большем. Просто хотел, чтобы он снова смотрел на меня с той тихой добротой.

Я лихорадочно соображал, как его успокоить. Хотел убедить, что всё это было ошибкой, что такого больше не повторится. Мне нужно было придумать ложь, которая позволит нам видеться снова.

Не помню, как я жил эти дни. В панике я терял контроль над всем. Работа шла по инерции, но оценки за учебу поползли вниз.

Даже учитель спросил, что случилось. Я торопливо соврал, что просто приболел. Ужасно боялся, что слухи дойдут до Со Джинхёка.

Я зубрил по ночам через силу, из-за чего начали возникать проблемы и в доме Ли Джэсока. Мое хрупкое равновесие вот-вот должно было рухнуть.

И в этот критический момент я наткнулся на номер в телефонной книге.

Там было записано: «Кан Усок».

<http://bllate.org/book/17249/1731556>